

Anal. p. 651, 691

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1873 г.

ТОМЪ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Больш. Садов., № 49—2.

1873.

По поводу кончины Н. В. Гоголя.

1852.

I.

Извѣстіе о смерти Гоголя.

(«Московскія Вѣдомости», 1852 г. № 24, 23-го февраля).

Въ четвергъ, 21-го февраля, въ 8 часовъ утра, скончался Николай Васильевичъ Гоголь. Эти простые слова скорбно отзвучатъ во всѣхъ концахъ русскаго міра. Теперь, передъ тѣломъ отшедшаго въ вѣчность, не измѣрять, а только чувствовать можемъ мы эту великую утрату. Русской мысли и слову покойный оказалъ безсмертныя заслуги. Его вліяніе на умы было глубоко и обширно. Его произведенія, исполненныя неистощимой жизни, останутся на вѣки дорогимъ достояніемъ народа. Самыя ничтожныя явленія жизни возводились имъ, говоря его словами, «въ перлъ созданія» и получали жизнь въ полномъ его изображеніи. Его гений не боялся унизить себя изображеніемъ мелочей чело-вѣческаго быта; беспощадно разоблачая ничтожество и пустоту, мысль его всегда была строга и цѣломудренна. Онъ писалъ не по суетнымъ внушеніямъ, въ основѣ его мыслей всегда таилась возвышенная душа и билось горячее сердце. Отсюда-то и бралась та чудесная прелесть, которою дышать его произведенія. Потому-то такъ чиста и выходила его мысль изъ тѣхъ темныхъ убіищъ, въ которыхъ она преслѣдовала чело-вѣческое ничтожество.

Сѣмя недуга, которымъ онъ похищенъ, уже давно въ немъ развивалось. Но кто ожидалъ, что мы лишимся его такъ скоро? Его кончина была для всѣхъ внезапною. Не задолго до своего послѣдняго дня, онъ выходилъ еще изъ дому, но въ немъ самомъ, казалось, было уже предчувствіе близкой смерти. Еще въ сырную недѣлю онъ готовился къ приобщенію Святыхъ Таинъ. Глубокая религіозность, бывшая его отличительнымъ свойствомъ, сопровождала его до послѣдней минуты, и онъ скончался, весь преданный загробнымъ помысламъ, обращенный къ тому міру, который передъ нимъ открывался.

Гоголь скончался 44-хъ лѣтъ отъ роду, унося съ собою еще такъ много великихъ надеждъ.

Тѣло покойнаго, какъ почетнаго члена московскаго университета, перевезено было вчера въ университетскую церковь. Выносъ происходилъ въ 8 часовъ по полудни. Друзья покойнаго и цѣнители его высокаго дара несли гробъ на рукахъ до самой церкви. Сегодня, въ часъ по полудни, будетъ происходить панихида.

Отпѣваніе тѣла назначено завтра, въ воскресенье, 24-го февраля, послѣ божественной литургіи, которая начнется въ 10 часовъ утра. Тѣло будетъ предано землѣ въ Даниловомъ монастырѣ, тамъ, гдѣ покоятся останки Н. М. Язвова—одного изъ ближайшихъ друзей покойнаго.

II.

Погребеніе Н. В. Гоголя.

(«Московскія Вѣдомости» 1852 г. № 25, 24-го февраля).

Москва.

Въ воскресенье, 24-го февраля, послѣ божественной литургіи происходило отпѣваніе тѣла Николая Васильевича Гоголя, въ присутствіи господина градоначальника Москвы—его сіятельства графа

Арсенія Андреевича Закревскаго, его превосходительства господина попечителя московскаго учебнаго округа—Владимира Ивановича Назимова, многихъ почетныхъ лицъ столицы, при многочисленномъ стеченіи читателей памяти покойнаго, наполнившихъ обширную церковь университета. Предъ окончаніемъ литургіи было сказано протоіереемъ Богдановымъ надгробное слово.

По окончаніи печальнаго обряда, гробъ былъ вынесенъ изъ церкви профессорами и потомъ, до самого Данилова монастыря, не взирая на неудобства пути, былънесенъ на рукахъ преимущественно студентами, въ сопутствіи множества лицъ, усердствовавшихъ проводить тѣло усопшаго до мѣста его послѣдняго успокоенія.

Гоголь скончался вдали отъ родныхъ; но вотъ вокругъ его гроба столпилось это множество лицъ, которыхъ большая часть навѣрно и не видала его при жизни. Всѣхъ собрало одно чувство, всѣ стеклись отдать послѣдній долгъ человѣку, ознаменовавшему себя скромною дѣятельностью писателя, всѣ навѣрное принесли съ собою искреннюю молитву, искреннюю думу о почившемъ. Слезы, которыя были здѣсь замѣчены, не могли имѣть инаго источника, кромѣ истинной скорби объ утратѣ человѣка, всѣмъ равно близкаго¹⁾.

III.

Письмо Сергія Тимофеевича Аксанова къ друзьямъ Гоголя.

(«Московскія Вѣдомости», № 32, 1852 г.)

Гоголя нѣтъ на свѣтѣ, Гоголь умеръ... странныя слова, не производящія обыкновеннаго впечатлѣнія. Умереть Гоголю вдругъ нельзя; тѣло его предано землѣ, но духъ вошелъ въ нашу жизнь, особенно въ жизнь молодого поколѣнія. Много, очень много надобно времени, чтобъ память о Гоголѣ потеряла свѣжесть; забыть, кажется мнѣ, онъ никогда не будетъ. Но Гоголь сжегъ „Мертвыя Души“.... вотъ страшныя слова! Безотрадная грусть обнимаетъ сердце при мысли, что Гоголь не досказалъ своего слова, что погибъ плодъ десятилѣтнихъ вдохновенныхъ трудовъ, что навсегда исчезли созданныя имъ образы, выступившіе во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, первый

¹⁾ Гробница Гоголя въ Даниловомъ монастырѣ, близъ памятниковъ Хомякова и Языкова, состоитъ изъ лежащаго на двухъ ступеняхъ продолговатаго камня, немного суженнаго къ верху. Имя Гоголя вырѣзано большими буквами, а съ одной стороны приведены слова пророка Іереміи: «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюсь. Глава VIII, ст. 20». По замѣчанію г. Ивана Павловскаго, сообщенному въ редакцію «Русской Старины» (изъ Екатеринославской губерніи, Константиноградскаго уѣзда), это указаніе на главу и на стихъ—ошибочно, слѣдуетъ читать на оборотъ: «Глава XX, стихъ 8». Ред.

главы котораго онъ читаль многимъ. Я самъ слышалъ четыре, а С. П. Шевыревъ и А. О. Смирнова, какъ говорятъ, слышали семь главъ. И Улинька, и Тентетниковъ съ ихъ взаимною любовью, и генералъ Бетрищевъ ¹⁾, и Костанжогло, и братья Платоновы, и многіе другіе — всѣ погибли и навсегда. Это ужасно, это невыносимо горько; но теперь еще не время распространяться объ этомъ. Я обращаюсь къ статьямъ Гоголя, получившимъ теперь настоящій смыслъ, къ его предисловію и завѣщанію ²⁾, напечатаннымъ въ книгѣ: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ (стр. 12). Еслибъ Гоголь былъ живъ, я никогда бы не сталъ перечитывать этой книги, въ свое время не одинъ разъ прочитанной мною; но теперь слѣдовало это сдѣлать и я прочелъ ее вновь. Поразили меня эти двѣ статьи. Больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній, возбужденныхъ ими во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онѣ рано были напечатаны. Вѣроятно, такое же дѣйствіе произведутъ теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые также, какъ и я, были недовольны этою книгою и особенно печатнымъ завѣщаніемъ живаго человѣка. Смерть все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе. Гоголя, какъ человѣка, знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполне, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замѣнутости, это происходило отъ того, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него, мало думалъ о томъ, что говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что самъ говорить; — однимъ словомъ, Гоголя не могли знать хорошо, и потому могли усомниться въ задушевности, въ правдѣ многихъ словъ его послѣдней книги. Но теперь, когда онъ смертию запечатлѣлъ искренность своихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, важется, наступило время дать полную вѣру его христіанской любви къ людямъ. Рѣчь идетъ не о томъ, ошибочны были или нѣтъ нѣкоторыя мысли и воззрѣнія Гоголя, — рѣчь идетъ о правдѣ его смиренія, чистотѣ намѣреній, сердечности чувствованій и стремленія къ добру.

Я убѣдительно прошу всѣхъ друзей и почитателей Гоголя, обра-

¹⁾ Въ статьѣ напечатано: Быстрищевъ.

²⁾ Въ статьѣ напечатано: завѣщанію.

титъ особенное вниманіе на слѣдующія его слова: „Завѣщаю, по смерти моей, не спѣшить ни хвалою, ни осужденіемъ моихъ произведеній въ публичныхъ листахъ и журналахъ, — все будетъ такъ же пристрастно, какъ и при жизни. Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ хвалу. Всѣ нападенія на нихъ были въ основаніи, болѣе или менѣе, справедливы. Предомной никто не виноватъ; неблагодаренъ и несправедливъ будетъ тотъ, кто попрекнетъ мною, въ какомъ бы то ни было отношеніи“.

Неужели теперь мы не повѣримъ въ искренность каждой буквы этихъ словъ? Чѣмъ можемъ мы достойнѣе почтить память усопшаго нашего друга, какъ не самымъ тоннымъ исполненіемъ завѣщаннаго имъ желанія? Я знаю, нельзя ожидать общаго почтительнаго молчанія, хотя на короткое время. Вѣроятно много будутъ писать и даже пишутъ и теперь о Гоголѣ. Вѣроятно нѣкоторые, глубоко-болѣзненно огорченные смертію любимаго и чтимаго художника, станутъ такъ горячо хвалить его, что оскорбятъ самолюбіе многихъ; оскорбленные станутъ возражать съ большою неумѣренностію; охотно присоединится къ нимъ, онѣмѣвшее передъ тайнствомъ смерти, старинное недоброжелательство, — и закипятъ надъ свѣжею могилою Гоголя новыя вражды, тогда какъ сердце его билось однимъ желаніемъ, чтобъ люди жили въ мирѣ и любви. Не будетъ-ли это истиннымъ оскорбленіемъ памяти Гоголя, который никогда ни къ кому не питалъ непріязни, даже скоропреходящаго гнѣва: эту истину могутъ засвидѣтельствовать не только всѣ друзья, но даже сколько-нибудь знакомые съ нимъ люди. Не заводить новыя ссоры слѣдуетъ надъ прахомъ Гоголя, а прекратить прежнія, страстями возбужденныя, несогласія, и въ этомъ искать утѣшенія въ нашемъ общемъ великомъ горѣ.

С. А.

Деревня.

1852 года 6-го марта.

IV.

Письмо Ивана Сергѣевича Тургенева.

(«Московскія Вѣдомости», четвергъ, 13-го марта 1852 г., № 32).

Письмо изъ Петербурга.

Гоголь умеръ!.... Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ... Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушить, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуется, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія, — пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго

мы теперь имѣемъ право—горькое право, данное намъ смертью,—назвать великимъ; человекъ, который своимъ именемъ означитъ эпоху въ исторіи нашей литературы; человекъ, которымъ мы гордились, какъ одною изъ славъ нашихъ! Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ изъ его предшественниковъ.... Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возбуждаетъ боль старинныхъ явъ. Не время теперь и не мѣсто говорить о его заслугахъ—это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви судомъ, которымъ подобныя ему люди судятся передъ лицомъ потомства; намъ теперь не до того, намъ только хочется быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы чувствуемъ разлитую повсюду вокругъ насъ; не оцѣнять его намъ хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ—самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Въ день, когда его хоронитъ Москва, намъ хочется ей протянуть отсюда руку, соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали; мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо, но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный поклонъ и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно москвичамъ, бросить горсть родимой земли! Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ—въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукие не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ! Но невыразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе—самые зрѣлые плоды его генія—погибли для насъ навсегда, и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи.....

Едва-ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными или даже вовсе неумѣстными..... Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія,—все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилою: онѣ не заговарятъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставить за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами:

„Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!“

Т..... вь.

24-го февраля 1852 года.
С.-Петербургъ.

Сообщ. Н. П. Васильевъ.